

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАМТН, РАЕ,
руководитель научно-методического центра
развития образования, советник директора
Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
г. Севастополь

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И.В. СТАЛИНА НА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО РОССИИ (МАРТ 1917 – АПРЕЛЬ 1918)

Аннотация: в статье отмечено, что для объективного изучения эволюции политических взглядов И.В. Сталина по национальному вопросу необходимо проанализировать истоки отрицательного отношения Сталина к федерализации России и рассмотреть разногласия между В.И. Лениным и И.В. Сталиным по ключевым проблемам национально-государственного переустройства России, оказавшие в дальнейшем решающее влияние на судьбы российской государственности.

Ключевые слова: межнациональные региональные конфликт, локальные региональные конфликты, национально-государственное переустройство, Россия, российская государственность, принцип федерализма, сталинская эволюция, национальный вопрос, федерализация России, идеи, культурно-национальная автономия, национальная программа, социал-демократия, радикализация лозунга, самоопределение наций, сепаратистские настроения, распад российского государства.

Свержение самодержавия в марте 1917 года оказалось судьбоносным для всех политических партий и течений. На огромных просторах бывшей Российской Империи вспыхнуло множество межнациональных и локальных региональных конфликтов, «закаливших» партию большевиков в борьбе за национально-

государственное переустройство России. Ценой невероятных усилий и огромных жертв российская государственность была спасена и стала развиваться в 1917–1921 гг. в совершенно ином историческом качестве, не без личного участия наркома по делам национальностей И.В. Сталина. Данный период государственной деятельности Сталина мало изучен как в отечественной, так и в зарубежной историографии, хотя сыграл определяющую роль в становлении национально-государственной политики будущего советского лидера. Именно в 1917–1921 гг. И.В. Сталин как политик прошел путь от решительного противника самого принципа федерализма до одного из главных теоретиков и организаторов советского федеративного государства.

Для объективного восприятия сталинской эволюции в национальном вопросе необходимо проанализировать истоки отрицательного отношения Сталина к федерализации России и рассмотреть разногласия между В.И. Лениным и И.В. Сталиным по ключевым проблемам национально-государственного переустройства России, оказавшие в дальнейшем решающее влияние на судьбы российской государственности. До Октября 1917 года отрицательное отношение Сталина к федерализму во многом отражало господствующую до того времени идеологию Ленина о том, что «пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации», поскольку «централизованное государство есть громадный исторический шаг от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству мира» [1, с. 144].

До 1913 года в теоретических разработках РСДРП национальный вопрос занимал незначительное место, поскольку большевики следовали установке В.И.Ленина о том, что если «мы заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности», то тогда весь национальный вопрос тактический и представляет применение наших общих принципов к практической деятельности» [2, с. 105, 261]. К 1913 году ситуация кардинально изменилась. Политические конкуренты большевиков – еврейский Бунд и кавказские

социал-демократы провели активную работу в массах по пропаганде идей культурно-национальной автономии австрийских социалистов Отто Бауэра и Рудольфа Шпрингера: выдвигая в качестве определяющих признаков нации культурную общность людей, утверждая приоритет национального характера над социально – экономическими факторами жизни наций. Идеи О. Бауэра и Р. Шпрингера, во-первых, нивелировали большевистские представления о нации как о преходящей категории поднимающегося капитализма, во-вторых, уводили рабочие партии от радикальной классовой борьбы, пропагандируя в качестве главной задачи движение за предоставление национальным меньшинствам всей полноты прав в области национального развития. Немалые опасения вызывали у большевиков практические результаты деятельности австрийских «оппортунистов» – федерализация социал-демократической партии Австро-Венгрии, в результате которой единая партия разделилась на 6 национальных партий. По поручению Ленина, Сталин в 1913 году пишет против австрийской «ереси» цикл статей, объединенных в брошюру «Марксизм и национальный вопрос». Эти статьи вовсе не представляли собой «очень посредственную композицию взглядов Ленина по национальному вопросу» [3, с. 175], как писал в 1923 году один из самых активных политических противников И.В. Сталина М.Н. Рютин. Достаточно вспомнить, что при публикации сталинской работы в журнале «Просвещение» Ленин не согласился с некоторыми большевиками в том, чтобы печатать ее как дискуссионную, информируя в феврале 1913 года Л. Б. Каменева о том, что «мы абсолютно против. Статья очень хороша. Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи» [4, с. 169]. В декабре 1913 года в статье «О национальной программе РСДРП» В.И. Ленин указывал на то, что «в теоретической марксистской литературе... основы национальной программы социал-демократии уже были освещены в последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)» [5, с. 223]. Не преувеличивая теоретическую значимость вышеназванной сталинской брошюры, необходимо отметить одно, крайне важное ее положение. Речь идет о радикализации лозунга са-

моопределения наций, которую И.В. Сталин применил в качестве главного обходного маневра против австрийских теоретиков культурно-национальной автономии. Поставив в вину Бауэру то, что его теория исходит из сохранения государственной целостности Австро-Венгрии, Сталин выдвинул идею о том, что «нация имеет право на отделение» [6, с. 318–319].

Осенью 1913 года на совещании ЦК РСДРП в Поронино, в работе которого И.В. Сталин не участвовал, находясь в ссылке, В.И. Ленин закрепляет это положение в качестве партийной директивы: «Что касается до права угнетенных царской монархией наций, права на самоопределение, то есть на отделение и образование самостоятельного государства, то социал-демократическая партия должна отстаивать это право» [7, с. 58–59]. Таким образом, большевики продемонстрировали, что готовы удовлетворить все, а не только языковые и культурные требования «угнетенных наций» и, тем самым, переиграли своих австрийских оппонентов, не желавших обращаться к массам с опасными популистскими лозунгами, осуществление которых грозило разжиганием сепаратистских настроений и межнациональных конфликтов. Именно в 1913 году между В.И. Лениным и И.В. Сталиным возникает расхождение относительно целесообразности радикального осуществления принципа самоопределения наций в самой России.

Внимательное прочтение брошюры «Марксизм и национальный вопрос в России» позволяет с уверенностью утверждать, что Сталин не рассматривал распад российского государства в качестве одного из главных инструментов большевиков в борьбе за власть. Он выдвинул тезис о том, что «осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьба русского вопроса, а, значит, и «освобождение» наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, то есть с уничтожением крепостных остатков, то есть с демократизацией страны» [8, с. 318–319]. Выступая против кавказских «ликвидаторов», Сталин высказал отнюдь не интернационалистическое положение о том, что «национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры

(то есть русской культуры – С.Д.)» [8, с. 351]. Превентивной мерой против возможного роста сепаратистских настроений в России в результате осуществления права наций на отделение, И.В. Сталин избрал концепцию областной автономии, согласно которой Россия оставалась единым государством, а «определившиеся единицы» типа Польши, Литвы, Украины, Кавказа, становились областными автономиями. Такое государственное устройство, по мнению Сталина, позволило бы не только содействовать ломке «национальных перегородок» и «межеванию людей по классам», но давало возможность «наилучшим образом использовать природные богатства области и развивать производительные силы; не дожидаясь решения общего центра» [18, с. 361–362]. В.И. Ленин же повел иную, очень рискованную для России игру. В годы Первой мировой войны, находясь в Швейцарии, он решительно ставит на карту территориальную целостность России, прощупывая официальные круги Германии на предмет возможности заключения сепаративного мира в том случае, если в России к власти придут большевики.

В мае 1915 года немецкий посланник в Берне фон Ромберг телеграфировал канцлеру Германии фон Бетман-Гольвегу о том, что один из немецких агентов некий Кескюлла выяснил условия, на которых русские революционеры во главе с Лениным в случае победы были бы готовы заключить мир. Среди прочих условий был пункт о полной национальной автономии. Этот пункт, как сообщал Кескюлла, не исключал «отделения от России национальных государств, которые стали бы служить в качестве буферных государств» [9, с. 56]. Эти сведения побудили фон Ромберга уже в мае 1917 года просить канцлера Германии о том, чтобы при зондировании почвы на предмет заключения сепаратного мира, он всячески уклонялся в официальных нотах «от всего того, что могло бы быть воспринято как вмешательство в русские дела», поскольку «русские, едва они уверятся в том, что мы отказываемся от аннексий и контрибуций, будут оказывать нажим на союзников с тем, чтобы они заключили мир на той же основе. Ввиду абсолютной уверенности, что союзники ответят отказом, русские затем будут считать себя вправе вести переговоры о сепаратном мире» [9, с. 73–74]. Фон Ромбергу нельзя

отказать в тонкой политической проницательности – к Брестскому миру Ленин пришел именно таким образом.

Немаловажно отметить и то обстоятельство, что с начала 1915 года В.И. Ленин начинает задумываться о федерализации России, которую раньше он напрочь отвергал. Так, в тезисах статьи «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» он отметил, что, оставаясь решительным противником федерации, тем не менее, можно «предпочесть федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому социализму. Именно с этой точки зрения, Маркс, будучи централистом, предпочитал даже федерацию Ирландии с Англией насильственному подчинению Ирландии англичанами» [10, с. 255–256]. Таким образом, до февральской революции И.В. Сталин использовал радикализацию тезиса о самоопределении наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств только против идейных противников большевиков – Бауэра и Шпрингера, кавказских ликвидаторов и «бундовской сволочи», в то время как В.И. Ленин начал использовать этот лозунг в весьма рискованной игре с немцами, взявшись за пересмотр своего прежнего исключительно отрицательного отношения к федерализации России.

После крушения самодержавия вышеуказанное расхождение В.И. Ленина и И.В. Сталина приобрело более отчетливые формы. На 7-й конференции РСДРП в апреле 1917 года в отличие от Ленина Сталин избегал провокационных прогнозов на предмет того, какие области России вероятнее и, скорее всего, осуществят свое право на отделение. Если В.И. Ленин говорил о том, что «...мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист» [11, с. 435], то И.В. Сталин осторожно, но твердо корректировал такие высказывания: «Я могу признать за нацией право отделиться, но это еще не значит, что я ее обязал это сделать. Народ имеет право отделиться, но он, в зависимости от условий, может и не воспользоваться этим правом... Вопрос о признании права на отделение не следует смешивать с вопросом о целесообразности отделе-

ния при тех или иных условиях. Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья» [12, с. 52–53]. Более того, демонстрируя свое неприязненное отношение к сепаратистам, Сталин убеждал делегатов конференции в том, что «...раз царизма не стало, не стало его политического угнетения, должно ослабнуть недоверие, должно расти тяготение к России, а думаю, что 9/10 народностей после свержения царизма не захотят отделиться» [12, с. 53]. До приезда В.И. Ленина в Россию, И.В. Сталин еще более определенно высказывался за сохранение в России унитарного государства, реорганизованного на началах областной автономии. 28 марта 1917 года он опубликовал в «Правде» статью «Против федерализма». Полемизируя с эсеровской идеей «Россия – союз областей», Сталин утверждал, что «в Америке, как и в Канаде и Швейцарии, развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству» и потому «тенденция идет не в пользу федерации, а против нее» [12, с. 25]. Обвиняя эсеров в том, что они хотят «проделать в России опыт Соединенных Штатов 1776 года», И.В. Сталин вполне резонно отметил, что если Соединенные Штаты в 1776 году представляли «собрание независимых колоний, не связанных между собой», то окраины России «связаны с центральной Россией экономическими и политическими узами» и рвать эти узы «совершенно неразумно и реакционно» [12, с. 26]. Тем не менее, будучи соратником Ленина, Сталин поддержал его на 7-й конференции РСДРП в борьбе против группы Пятакова-Дзержинского, выражавшей чаяния наиболее радикальной части большевистского лагеря, требовавшей взамен признания права наций на отделение применить «метод социальной революции» под лозунгом «прочь границы», поскольку «требование независимости взято из другой исторической эпохи, оно реакционно, ибо хочет повернуть историю вспять» [13, с. 281, 213]. Ю.Л. Пятаков и Ф.Э. Дзержинский прямо обвинили В.И. Ленина в потворстве сепаратизму. Так, Ф.Э. Дзержинский утверждал, что «построение в настоящий момент новых границ есть стремление к классовому господству. К этому стремится буржуазия различных национальностей, чтобы увековечить свое господство и отделить её от революционной России... Национальный гнет может быть уничтожен только при полной демократизации государства, борьбой

за социализм, сепаратистские же стремления есть стремления борьбы с социализмом» [13, с. 220–221]. Защищая линию В.И. Ленина от таких серьезных выпадов его близких соратников по партии, И.В. Сталин все же добился того, чтобы 7-я конференция признала за народами право на отделение [14, с. 55].

Проведение в жизнь ленинских взглядов не означало того, что Сталин не понимал, какой огромный вред может принести России широкомасштабное осуществление права наций на отделение. Он и не скрывал свои централистские настроения. В августе 1917 года в статье «Контрреволюция и народы России» И.В. Сталин замечает, что «мы вовсе не против объединения народов в одно государственное целое. Мы отнюдь не за дробление крупных государств на мелкие. Ибо ясно само собой, что объединение мелких государств в крупные является одним из условий, облегчающих дело осуществления социализма» [14, с. 208]. Поддерживая с одной стороны право наций на отделение, а с другой – декларируя убежденность в том, что «9/10 народностей после свержения царизма не захотят отделиться», Сталин вел игру на опережение по таким же правилам, как и в 1913 году в борьбе против культурно-национальной автономии. Если тогда большевики переиграли своих противников, предлагая массам более радикальные политические методы разрешения национального вопроса, в частности, право наций на отделение, то теперь они повели еще более рискованную игру. Весь механизм этой политической игры И.В. Сталин очень доходчиво раскрыл позже, в 1929 году, в беседе с группой украинских писателей: «...когда Ленин говорил об отделении национальностей вплоть до образования самостоятельного государства, он отчетливо формулировал так: «разъединиться для объединения» – это и есть марксистский подход... Ленин не стоял вовсе за то, чтобы все государства раздробились. Он стоял за то, чтобы они, государства, раздробившись, дали возможность создать почву для взаимного доверия рабочих и крестьян и потом поставить практически вопрос об объединении» [15, л. 6].

На практике, в период правления Временного правительства, это выглядело так: предлагая на 7-й конференции РСДРП право на отделение тем народам, ко-

торые не могут или не хотят оставаться жить в рамках единого государства и, гарантируя областную автономию тем, кто не хочет отделяться, И.В. Сталин от лица большей части партии большевиков предложил четкую концепцию разрешения национального вопроса, что не смогло сделать Временное правительство. Хаотичная национальная политика этого правительства дала Сталину возможность упрекать его в том, что оно «наносит смертельный удар» объединению народов «в единую братскую семью» и ведет к распаду России, «против которого так фальшиво и лицемерно вопиет буржуазная печать» [16, с. 207]. Такие упреки били точно в цель, поскольку Временное правительство проявило полную недееспособность в сохранении и укреплении российской государственности. Видный чешский политический деятель, идеолог славянского единства К. Крамарж вспоминал: «...Уже 18 марта литовская депутация потребовала автономии, а украинцы создали свою народную раду. Сначала они казались умеренными, добивались только права языка и школы, но скоро их требования пошли дальше и дальше, и к концу июня они уже имели свой генеральный секретариат, то есть свое правительство. Временное правительство и тут не приняло мер, а только просило, чтобы украинцы не разрушали государства. Керенский запретил созыв украинского съезда. Но когда съезд все-таки собрался, послал ему телеграмму, что препятствий к дальнейшей деятельности украинского комитета не встречается. Понятно, телеграмма была встречена громким смехом. Чрезвычайно интересно, что... все это движение находилось в связи... с германским генеральным штабом. Литовский сейм тоже провозгласил самостоятельность. Временному правительству и тут не оставалось ничего другого, как утешиться в том, что оно всем дает свободу... Повсюду полное банкротство русской государственной мысли, как результат неспособности русской интеллигенции сохранить государство и управлять им. Она не видела ничего, кроме своих мечтаний о свободе» [17, с. 67–68]. Аналогичные мысли высказывал один из виднейших деятелей российской социал-демократии Н.Н. Суханов (Гиммер). В своих известных «Записках о революции» он отметил, что «получившие

свободу мелкие российские национальности, существующие и выдуманые, действительно не знали никакого удержу и разрывали на части государственный организм... положение было трудное и нелепое» [18, с. 274].

Неспособность Временного правительства остановить распад России ускорило приход к власти большевиков, которые, отстаивая право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, шли в ногу с эпохой уничтожения всех прежних традиционных устоев России. Выполняя волю В.И. Ленина, И.В. Сталин внес свою лепту в разрушение Российской Империи, но он, как и большевики в целом, гораздо меньше сделал для этого разрушения, чем Временное правительство и многочисленные национал-сепаратистские течения. В отечественной историографии нет специальных исследований, в которых анализировалась истинная роль сепаратистов в развале российского государства. Именно национал-сепаратистские течения явились главной силой, разрушившей российскую государственность в 1917 году. Достаточно вспомнить о деятельности украинских националистов, которые смогли довести Временное правительство до раскола, выразившегося в выходе из него в июле 1917 года министров-кадетов А.А. Мануйлова, Д.И. Шаховского и А.И. Шингарева. Характерно, что один из самых активных политиков того времени П.Н. Милюков уже в эмиграции писал о том, что возникновению большевизма помимо прочих причин способствовали и «сепаратистские стремления интеллигентских вождей национальных меньшинств» [19, с. 37–38].

Приход к власти большевиков не инспирировал, а только усилил те дезинтеграционные процессы, происходившие в России в период Временного правительства, сдававшего сепаратистам одну позицию за другой. Общеизвестно, что первые месяцы правления большевиков были пропитаны эйфорией от «триумфального шествия Советской власти» и ожидания скорой мировой революции. Такая эйфория позволила В.И. Ленину самоуверенно заявить о том, что «сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между

трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» [20, с. 115].

Под влиянием таких настроений и появилась в ноябре 1917 года знаменитая «Декларация прав народов России» за подписью Ленина и Сталина, где четко говорилось о том, что народы России имеют полное право «на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [21, с. 72]. На первых порах новая власть даже нисколько не считалась с тем, что во многих областях России, требовавших независимости, не было твердых предпосылок для установления Советской власти. Своими же руками большевики сужали сферу своего влияния, явно недооценивая довольно сильные позиции национал-сепаратистских течений и их лидеров. Об этом красноречиво свидетельствует первый советский нарком юстиции и второй нарком внутренних дел, левый эсер И.З. Штейнберг, вспоминая о процедуре признания независимости Финляндии, при которой он сам присутствовал. Штейнберг писал, что «...мы знали, конечно, что нынешний герой Финляндии Свинхувуд, которого царь в свое время угнал в ссылку, был нашим явным общественным противником. Но поскольку мы освободили Финляндию от гнета России, то в мире стало одной исторической несправедливостью меньше» [22, с. 382]. В дальнейшем Пер Эвинд Свинхувуд предстал перед большевиками во всей своей красе, жестоко подавив революцию в Финляндии. Некоторые большевики-националы, осознавая свои слабые, неустойчивые позиции, противились политике центра в части раздачи суверенитетов. Так, в декабре 1917 года большевики Эстонии отвергли предложение В.И. Ленина провозгласить суверенную Эстляндскую социалистическую республику, будучи сторонниками унитарной и централизованной Советской Российской республики, в которую Эстония должна войти в качестве «областной автономии» [23, с. 315].

Большая неприятность постигла Ленина в отношениях с Украиной, где местные националисты начали потворствовать антибольшевистскому движению А.М. Каледина с целью как можно дальше отодвинуться от России. И в дальнейшем, когда Центральную Раду сменил прогерманский марионеточный ре-

жим П. П. Скоропадского, и при господстве С.В.Петлюры проводилась та же линия. Это было очень опасно и для большевиков, и для России, так как именно на Украине были сосредоточены основные запасы зерна и угля, без которых центрально-европейская часть России просто не могла развиваться, так как с Сибирью она была связана только транссибирской магистралью, которая постоянно блокировалась враждебными большевикам силами. Конфликт с Украинской Радой заставил большевиков внести серьезные коррективы в свою национально-государственную политику. В декабре 1917 года И.В. Сталин делает несколько резких выпадов против сепаратистов и критикует неспособность некоторых местных большевиков эффективно противостоять национальной буржуазии. Так, 14 декабря 1917 года, выступая на заседании ВЦИК, Сталин недвусмысленно пригрозил украинским националистам: «Совет Народных Комиссаров не остановится перед решительной борьбой против Рады» [24, с. 17]. 22 декабря того же года И.В. Сталин практически признал недалекость Совнаркома в деле поспешного признания независимости Финляндии. Выступая опять же на заседании ВЦИКа, нарком говорил, что «Совет Народных Комиссаров дал свободу помимо своей воли не народу, ... а финляндской буржуазии, которая странным стечением обстоятельств захватила власть и получила независимость от социалистов России». Однако, признав этот просчет центральной власти, Сталин не предложил механизма разрешения возникшей проблемы с финскими социалистами, ограничившись только критикой в адрес финских «товарищей», которые «ввиду нерешительности и непонятной трусости не предприняли решительных шагов к тому, чтобы самим взять власть и вырвать из рук финской буржуазии свою независимость» [24, с. 23–24].

От политических прений И.В. Сталин вскоре перешел к конкретной деятельности. 27 и 28 декабря 1917 года он провел трудные переговоры с делегацией казаков Донской области. Обещая устранить контрреволюцию на Дону и содействовать отправке хлебных эшелонов в Петроград, казаки добивались признания центром автономии Донской области. Сталин ушел от прямого ответа на это требование, дав в то же время понять делегации иллюзорность их мечтаний об автономии: «В Финляндии в состав правительства входят и представители пролетариата, и

представители буржуазии, и мы, тем не менее, нашли возможность признать за Финляндией право на самоопределение. Можно было бы, пожалуй, стать на такую же точку зрения и в отношении Донского края. Но с другой стороны, Финляндия имеет строго определенные границы, а у вас, где границы? Ведь нельзя же теперь оставить прежние границы губерний и областей – границы, в основу которых положено административное разделение России. Решительно затрудняюсь ответить на предложенный вопрос» [25, л. 4]. Когда члены делегации вновь начали настаивать на своих требованиях, Сталин уже ясно дал понять, что им не на что рассчитывать: «Единственное, что я могу обещать, так это то, что мы примем все меры к тому, чтобы не пролить ни одной лишней капли крови народной. А войска как посылались, так и впредь будут посылаться на Дон для угрозы и для пропаганды наших идей» [25, л. 7]. В этой беседе четко прослеживается новый подход И.В. Сталина к проблеме самоопределения – давать возможность самоопределяться не нации или этнической группе в целом, а тем слоям в составе этих наций и групп, которые смогут установить Советскую власть, укрепив тем самым позиции центральной власти. Опыт самоопределения Финляндии свидетельствовал о том, что нельзя решать проблемы самоопределения, руководствуясь исключительно революционным альтруизмом. Сталин, исполняя политическую волю Ленина, оставался прагматичным централистом.

Этот прагматизм сказался уже в декабре 1917 года, когда И.В. Сталин вопреки всем декларациям большевиков о самоопределении отказался предоставить автономию казакам Донской области. Характерно, что подобного рода черновую работу с территориями Ленин постепенно практически полностью передоверил Сталину, о чем свидетельствует тот факт, что первая советская конституция 1918 года в ряде своих концептуальных разделов содержит именно сталинские идеи. Более того, даже официальное озвучивание любых изменений в национально-государственной политике большевиков было делом Сталина, принимавшего на себя главные удары со стороны сепаратистов и многочисленных оппонентов-однопартийцев. Так было в январе 1918 года на III съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На этом съезде И.В. Сталин жестко скорректировал теорию

самоопределения наций: «Мы признаем самоопределение, но не как самоцель, а как средство для перехода к социализму, самоопределяются низы, а не верхи... Если какой-нибудь народ хочет войти в федерацию, он должен установить у себя власть Советов». После этого высказывания правый эсер Л.Д. Львович-Давидович воскликнул: «Политика Совета Народных Комиссаров насквозь централистическая и великодержавная, также, как и политика старого правительства» [26, л. 40]. Чтобы избежать в дальнейшем обвинения в великодержавии, а заодно не отпугнуть националов, Сталин предложил съезду принять резолюцию «О федеральных учреждениях Советской власти». Принципиально новый момент в национально-государственной политике большевиков отражал пункт 5 вышеназванной резолюции, в котором оговаривалось, что разграничение функций федеральной и областных властей является компетенцией как ВЦИКа, так и Центральных исполнительных комитетов советских республик [27, с. 32–33].

В своих телеграммах в регионы И.В. Сталин предлагал разграничить эти функции по линии всевозможных уступок местным властям в определении границ своих республик и областей. В качестве конкретного примера разграничения функций центральной и местных властей Сталин и Коллегия Наркомата по делам национальностей предлагали Положение о Татаро-Башкирской республике. Именно это Положение И.В. Сталин рассматривал в качестве побудительного импульса к возникновению новых, лояльных Советской власти, республик. 22 марта 1918 года Положение о Татаро-Башкирской республике за подписями Иосифа Виссарионовича Сталина, комиссара по делам мусульман внутренней России Муллагура Муллазяновича Вахитова, комиссара по еврейским делам Семёна Марковича Диманштейна было передано по телеграфу Ташкентскому Совету. Главным побуждающим мотивом для присоединения к России Туркестана был тезис из вышеназванного Положения о том, что «...право окончательного установления границ остается за республикой» [28, л. 1–2]. Помимо предоставления республикам и областям права на установление своих границ, большевики и конкретно И.В. Сталин завоевывали симпатии национальностей и тем, что они признавали стремления тех или

иных наций и этносов к различным формам автономии при условии признания Советской власти. Так, в марте 1918 года в письме председателю Бакинской Коммуны С.Г. Шаумяну Сталин предлагает следующее: «Если мусульмане требуют автономии, нужно им дать её, выговорив безусловное признание советской власти в центре и на местах, нужно немедленно основать при Бакинском Совете мусульманский отдел, широко развить мусульманскую литературу, нужно основать такой же армянский отдел и вообще вести политику сплочивания мусульмано-армянских низов в их борьбе против своих верхов» [29, л. 2–3]. Предоставляя различным народам реальные перспективы национально-государственного развития, большевики начали стратегически переигрывать своих противников в борьбе за территории. Более того, с весны 1918 года большевистская Центральная Россия постепенно начинает активно играть роль исторического центра по притяжению к себе окружающих территорий и населения. Л.Д. Троцкий справедливо подметил в своих воспоминаниях, что московский период деятельности Совнаркома, выехавшего из Петрограда 10 марта 1918 года, «стал вторично в русской истории периодом собирания государства и создания органов управления ими» [30, с. 342]. В 1918 году процесс воссоздания единого государства начался с добровольного тяготения народов к большевистской России.

Весьма показателен в этом отношении следующий факт. В начале апреля 1918 года жители нескольких сел Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов обратились в Москву с протестом против их насильственного присоединения к Украине, где правила тогда марионеточная прогерманская Рада и хозяйничала немецкая администрация. 6 апреля 1918 года И.В. Сталин откликнулся на этот протест следующим образом: «...если верно заявление о желании всего населения упомянутых трех уездов остаться в составе Российской Советской федерации между тем, как немцы и Киевская Рада хотят их насильственно присоединить к Украине, ...пусть жители этих уездов немедленно созывают уездные съезды делегатов от волостей и ставят там вопрос, хотят ли делегаты и их избиратели присоединиться к Украине или остаться в составе Российской Федерации. Если выяснится после такого опроса, что уезды эти не хотят присоединяться к Украине,

пусть президиум съезда отправит по телеграфу соответствующее решение уездов Киевской Раде и Совету Народных Комиссаров в Москве, требуя от первой отказаться от насильственного присоединения упомянутых уездов к Украине и предлагая Совету Народных Комиссаров принять уезды в состав Российской Федерации, зачислив их к Крымской и Донской Областям» [31, л. 1–2]. Несмотря на подобные инициативы большевиков, исходивших в основном от И.В. Сталина, весной 1918 года российская государственность продолжала пребывать в глубоком кризисе. Германская военная политика развеяла иллюзии В.И. Ленина о скорой победе революции в Европе. С огромным трудом добившись от своих соратников согласия на заключение Брестского мира, Ленин стоял перед весьма печальным фактом утраты огромных территорий бывшей Российской Империи, что создавало реальную угрозу существования Советской власти.

В 1918 году видная немецкая коммунистка Роза Люксембург критически высказалась о национально-государственной политике В.И. Ленина: «Большевики несут часть вины за то, что военное поражение России превратилось в крушение и распад страны. Они сами же в большей степени обострили объективные трудности положения своим лозунгом, который они поставили во главу своей политики, так называемым правом нации на самоопределение или тем, что в действительности скрывалось за этой фразой, – государственным развалом России... Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы «вплоть до государственного отделения» сделают Финляндию, Украину, Польшу, Литву, Балтийские страны, кавказцев и так далее верными союзниками русской революции, но мы наблюдаем обратную картину: одна за другой эти «нации» использовали только что дарованную им свободу для того, чтобы в качестве смертельного врага русской революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в саму Россию» [32, с. 20–21]. На фоне событий, так точно отмеченных Розой Люксембург, весной 1918 года перед большевиками возникла та же проблема, которая стояла в свое время и перед Временным правительством, а именно – проблема четкого разграничения полномочий центральной и местных властей и создания реального механизма, который бы

обеспечил стабильное взаимодействие центра и окраин. В начале 1918 года большевики все чаще начинают сталкиваться с таким явлением как двоевластие.

Во многих местных органах управления находились оппозиционно настроенные к внешней политике В.И. Ленина коммунисты и левые эсеры. Более того, отдельные российские города начали провозглашать себя республиками. Так, в марте 1918 года большевики и левые эсеры Калуги, протестуя против заключения Брестского мира, провозгласили Калужскую Советскую республику и призвали местное население на революционную войну с мировой буржуазией. Однако летом 1918 года эта республика приказала долго жить из-за начавшихся конфликтов местных большевиков и левых эсеров, а также некомпетентности калужского Совнаркома, приведших к забастовке железнодорожников, из-за которой оказалась парализованной одна из самых важных для Москвы транспортных артерий [33, с. 26–28]. Такая дезорганизация власти была следствием, во-первых, общей стихии распада российской государственности после свержения монархии; во-вторых, тактики большевистской партии, провозгласившей федерацию, но не установившей четких юридических норм ее функционирования; в-третьих, отсутствием стратегической национально-государственной политики большевиков, выразившейся в одностороннем представлении различных свобод бывшим окраинам Российской Империи. Многие регионы самоопределялись, полагаясь на свои собственные экономические и политические интересы, все больше игнорируя центр; в-четвертых, деятельности правящей коалиции большевиков и левых эсеров, в которой не было политического единства в вопросе реализации концепции российского федерализма.

Только спустя несколько месяцев после взятия власти, в апреле 1918 года, такая концепция начала разрабатываться Комиссией ВЦИК по выработке Конституции Советской республики. В работе этой комиссии И.В. Сталин сыграл очень важную роль. Он лично разработал «Общие положения» первой Советской Конституции, а также предложил и отстоял в жесткой полемике новую концепцию федерализма. Советской историографией политический драматизм борьбы в конституционной комиссии ВЦИК между И.В. Сталиным и сторонниками концепции

федерализма профессора М.А. Рейснера вообще не рассматривался, вследствие чего не был проведен соответствующий анализ сталинской концепции. Данное историческое исследование восполняет образовавшийся историографический пробел, вводя в научный оборот протоколы заседания Комиссии ВЦИК по выработке Конституции Советской республики от 5, 12 и 19 апреля 1918 года, сопоставляя новые архивные источники с официально изданными работами Сталина. На заседании Комиссии от 5 апреля 1918 года И.В. Сталин поддерживает предложение Я.М. Свердлова сосредоточить усилия на разработке четких правовых норм, определяющих взаимоотношения между центральной и областными властями. Сталин мотивирует это тем, что в Наркомате по делам национальностей скопилось несколько проектов федерации, исходящих от буржуазии и полудемократических групп, которые требовали «полной автономии», а из «низов» татар, башкир, киргизов и других исходила лишь «совершенная индифферентность» [34, л. 18]. Сложившаяся ситуация становилась опасной для центральной власти. Уже имевшийся опыт самоуправления Украины и Финляндии показал, что односторонняя суверенизация национальных окраин оборачивается против новой России. Во избежание прежних ошибок, приведших к возникновению враждебных большевикам государств, И.В. Сталин вновь играет на опережение, предлагая закрепить в Конституции право наций на создание автономий: «...существуют на деле живые области и окраины, различающиеся особым бытом и национальным составом, трудовые элементы которых требуют от нас широкой автономии, права, языка, права управления, ну, словом, самостоятельного заведывания своими делами. Вот из этих областей надо исходить» [34, л. 30].

Почему же Сталин настаивал именно на конституционном оформлении национальных автономий? В чем состоял смысл новой игры на опережение? Во-первых, И.В. Сталин вновь стремился перехватить инициативу у политических противников большевиков, в данном случае, у местных национал-сепаратистов, в кругах которых сформировалась и начала активно реализовываться идея переустройства России в федерацию по национально-территориальному принципу. Еще в мае 1917 года один из лидеров азербайджанской партии «Мусават» М.Э. Расул –

Заде добился принятия на 1-м Всероссийском мусульманском съезде резолюции, признающей право мусульман, имеющих определенную территорию, образовывать национальные автономии [35, с. 372]. В начале 1918 года после признания большевиками националистических правительств Украины и Финляндии стремительно начали развиваться центробежные тенденции, усиленные многочисленными национал-сепаратистскими течениями. В начале 1918 года от Центральной России фактически полностью отделилось Закавказье, требовала полной автономии Башкирия, была сделана попытка со стороны татарских националистов образовать под Казанью так называемую «Забулачную республику». Повальное стремление к отделению заставило большевиков в лице Сталина вновь продемонстрировать свою абсолютную лояльность к подобным требованиям и пойти на законодательное закрепление права на создание национальной автономии за всеми народами и национальными меньшинствами. Во-вторых, настаивая на конституционном оформлении права наций на образование автономий, И.В. Сталин позаботился о мерах по укреплению центральной власти, направленных на нейтрализацию любых сепаратистских настроений и претензий на прерогативы центра. Эта работа велась по двум направлениям. Первое – по линии разграничения полномочий центральной и местных властей. Второе касалось представительства националов во ВЦИКе. Разграничение полномочий между центральной и местными властями Сталин провел следующим образом: центру делегировались все основные властные функции федерации – руководство военно-морскими силами, внешней политикой и внешней торговлей, транспортом, связью, финансами, а местным властям – только «формы проведения общих декретов», образование и судопроизводство. Одновременно И.В. Сталин заблокировал саму постановку вопроса о создании «второй палаты ВЦИКа», которая бы избиралась субъектами федерации, сославшись на то, что двухпалатный парламент ведет «к обычной буржуазной законодательной волоките» и потому «трудовые массы России не примирятся с такой двухпалатной системой» [36, с. 70–71].

Предпринятыми мерами Сталин не только стремился остановить происходивший распад России, но и обеспечить дальнейшее сплочение населявших ее

народов посредством перерастания федеративного государства в унитарное. Он не скрывал собственной убежденности в том, что национально-территориальный принцип устройства федерации является тактической мерой, как и собственно идея самой федерации была для него тактикой, а не стратегией. Об этом И.В. Сталин откровенно заявил в интервью «Правде» в начале апреля 1918 года: «...федерализму в России... суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль – к будущему социалистическому унитаризму» [36, с. 73]. В первой Конституции Советского государства, а именно в ее «Общих положениях», разработанных Сталиным, национально-территориальный принцип не рассматривался как единственно возможный для образования субъектов федерации. Пункт 2 «Общих положений» допускал вхождение в федерацию автономных областных союзов, отличающихся особым и национальным составом, на равных правах с национальными республиками, поэтому в проекте вышеназванных Положений говорилось даже об областных республиках [37, л. 12]. Данный исторический факт прямо свидетельствует о том, что в 1918 году Сталин в законодательном порядке не наделял национальные автономии каким-то особым статусом.

Концепция федерализма И.В. Сталина вызвала острую критику у профессора М.А. Рейснера и его сторонников в конституционной комиссии ВЦИКа. Рейснер мыслил о федерации «социально-хозяйственных организаций» и отвергал областной федерализм. Свои идеи профессор защищал в псевдоакадемическом стиле, ссылаясь на работу В.И. Ленина «Государство и революция». Далекий от понимания реальной ситуации, сложившейся на окраинах России, М.А. Рейснер убеждал членов конституционной комиссии в том, что его проект не расходится с вышеназванной работой Ленина, в которой говорится только «о добровольной федерации трудящихся масс», следовательно «носителем государственной идеи является не область, определенно буржуазное понятие, с ним надо расстаться как можно скорее» [38, лл. 44–45]. 19 апреля 1918 года редактор «Известий» Ю.М. Стеклов (Овсий Моисеевич Нахамкис) предложил комиссии взять за основу проект федерации М.А. Рейснера. После этого предложения И.В. Сталин перешел в решительное наступление: «Проект товарища Рейснера не может

быть положен в основу. Дело в том, что я извиняюсь за резкость, там идет вакханалия федерации, дается возможность совершенно свободно, вольно группироваться известным областям, известным единицам административным..., отношения с которыми будет установить страшно трудно... Рейснер указывает на федерацию какую угодно, лишь бы это была федерация. Так нельзя. Вы должны дать определенный тип федерации. Это есть федерация областей, отличающихся известным национальным составом или бытом» [38, лл. 39–41]. Сталинский выпад против проекта М.А. Рейснера не понравился будущему основателю марксистской школы советских историков М.Н. Покровскому, в то время являвшегося председателем пресловутого Московского областного Совнаркома и примыкавшего к «левым коммунистам». М.Н. Покровский незамедлительно атаковал И.В. Сталина, используя ленинский лозунг опасности «великодержавия»: «...страна после Брестского мира отталкивается от федерации в национальном смысле, когда Россия ограничена, когда кроме Великороссии имеются только Кавказ и Туркестан, остальные федерации (так в тексте, по смыслу области – С.Д.) являются колониями Великороссии, являются скорее пользующимся широкой автономией или союзом государств, которые не будут действительно объединены в нераздельную федерацию, но которые будут фиктивными федерациями, потому что могучий центр с 80 миллионами всегда сможет подавить, если захочет, самостоятельность этих областей» [38, л. 42]. Доводы М.Н. Покровского не были приняты во внимание руководством ВЦИК. Я.М. Свердлов и В.А. Аванесов приняли сторону И.В. Сталина, так как проект М.А. Рейснера выводил из-под контроля ВЦИКа местные советы. Самодеятельность последних дошла настолько далеко, что в Москве помимо центрального правительства заседали еще Московский областной Совнарком, в котором работали оппозиционные В.И. Ленину «левые коммунисты» и левые эсеры – М.Н. Покровский, А. Ломов (Г.И. Оппоков), В.Н. Яковлева, В.Е. Трутовский и другие. Активное противодействие Сталину в конституционной комиссии со стороны Покровского было частью общей оппозиционной линии «левых коммунистов» и левых эсеров. Характеризуя такое, по его мнению, ненормальное положение дел, И.В. Сталин еще в начале апреля 1918 года заявил о том, что «своеобразный федерализм московских областников, старающихся искусственно объединить вокруг Москвы 14 губерний..., не имеет

ничего общего с известным постановлением III съезда Советов о федерации... Что может быть общего между захудалой Калугой и промышленным Иваново-Вознесенском и по какому признаку их «объединяет» нынешний областной Совнарком, – уму непостижимо» [39, с. 69].

Результаты дискуссии подвел председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, который заявил о том, что «единственный проект который можно обсуждать – это только проект Сталина» [40, л. 49]. В итоге при голосовании в конституционной комиссии ВЦИКа за проект И.В. Сталина было подано 5 голосов, за проект М.А. Рейснера – 3. Несмотря на то, что проект Рейснера был снят с обсуждения, и он сам практически перестал защищать его, три члена конституционной комиссии – М.Н. Покровский, Ю.М. Стеклов и эсер А.И. Бердников сделали все возможное, чтобы отредактировать проект Сталина в духе воззрений Рейснера. Стеклов предложил «совершенно выкинуть слово федерация. Раз Украины, Белоруссии нет, раз Финляндии нет, никакой федеративной республики нет, и это слово потеряло всякий смысл. Между тем проект товарища Рейснера опасен только до тех пор, пока остается слово федерация... Я предлагаю заменить словом Союз». Эсер А.И. Бердников предложил изъять слово «федерация» из-за того, что Конституция не предусматривает наличие двухпалатного парламента, и потому считал, что все интересы национальностей, «можно удовлетворить понятием автономия». С предложением изъять слово «федерация» выступил Покровский, но при голосовании эти поправки не прошли [40, лл. 53–55, 57].

Последнюю атаку против проекта И.В.Сталина предпринял М. Н. Покровский. Чувствуя неминуемую гибель Московского областного Совнаркома, он настаивал на том, чтобы из Конституции были вообще изъятые понятия «автономия» и «федерация». Покровский вновь начал запугивать членов конституционной комиссии «Союзом великороссов», а затем сделал отчаянную попытку доказать необходимость создания не национальных автономий, а новых областей «с особыми экономическими признаками»: «...вы ничего не поделаете с этим, – они все равно будут объединяться в союзы... вы не упраздните самостоятельности не только этих областей, но даже московского центрального промышленного района...» [40, лл. 68–69]. В ответ на это высказывание И.В. Сталин разъяснил свое

видение разницы между экономическим объединением областей и политикой создания национальных автономий: «... если я говорю – необходимо уничтожать случайные единицы, то я вовсе не говорю, что объединить все губернии и области как экономические единицы. Наоборот, я вполне понимаю, что текстильный район... это специальный район, который в свою очередь войдет как автономная единица в ВСНХ... Это необходимо, в этой тенденции будущего отказать невозможно, но нам поручают не конструкцию организации хозяйственного общества Российской области (так в тексте – С.Д.), а конституцию политическую... Мы должны принять автономные республики, без которых нельзя обойтись, ничего тут страшного нет... Автономия понимается как возможность предоставления этим областям права на свой преобладающий язык... Мы хотим сделать власть народную, она должна быть на родном языке, формы применения законов должны быть приспособлены к тем экономическим условиям, которые там царят» [40, лл. 70–71]. М.Н. Покровский не удовлетворился этим разъяснением и подал реплику о том, что сталинский проект «приведет к увековечиванию национализма. Достаточно, что мы даем хозяйственную автономию». Отвечая на эту реплику, И.В. Сталин прибегнул к своей любимой аналогии – к сравнению российской федерации с федеративными государствами США и Швейцарии: «Я беру известное федеративное государство Соединенные Штаты Америки и говорю, что там федерация провозглашена..., но далее же штаты всю полноту власти, по крайней мере, 2/3, передали федеративному правительству. К этому типу федерализма мы идем» [40, лл. 82–83]. Сталинские рассуждения окончательно убедили членов конституционной комиссии.

Историческая реальность послужила основным фактором политической эволюции И.В. Сталина от решительного противника федерализма в марте 1917 года до теоретика и одного из главных организаторов советского федеративного государства в апреле 1918 года. Жесткий централизм Сталина в сочетании с его политической гибкостью оказали решающее влияние на сохранение и укрепление новой российской государственности. Концепция областной автономии, направленная против национал-сепаратистских движений, жесткая корректировка национально-государственной политики в декабре 1917 – январе 1918 года и, наконец,

жесткая централистская федеративная модель устройства государства предопределили дальнейшую национально-государственную политику И.В. Сталина в неимоверно сложной обстановке интервенции и Гражданской войны.

Список литературы

1. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 24.
2. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 7.
3. Платформа «Союза марксистов-ленинцев» (группа Рютина) Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №9.
4. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 48.
5. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 24.
6. Сталин И.В. Соч. – Т. 2.
7. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 24.
8. Сталин И.В. Соч. – Т. 2.
9. Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. – М., 1990.
10. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 27.
11. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 31.
12. Сталин И.В. Соч. – Т. 3.
13. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. – М., 1958.
14. Сталин И.В. Соч. – Т. 3.
15. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 4490.
16. Сталин И.В. Соч. – Т. 3.
17. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.
18. Суханов Н.Н. Записки о революции. – М., 1991. – Т. 2.
19. Милуков П.Н. Россия на переломе. – Париж, 1925. – Т. 1.
20. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 35.
21. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. – М., 1992.

22. Утро страны Советов. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917г. – 10 марта 1918 г. – Л. 1998.

23. Полушкина В.А. Большевики и революционно-демократическое крыло национально-освободительного движения в период Октября (Анализ межпартийных отношений) в кн. Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? – М., 1992.

24. Сталин И.В. Соч. – Т. 4.

25. РГАСПИ. Ф. 58, Оп. 1, Д. 105.

26. РГАСПИ. Ф. 58, Оп. 1, Д. 110.

27. Сталин И.В. Соч. – Т. 4.

28. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 134.

29. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 130.

30. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. – М., 1991.

31. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 145.

32. Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Вопросы истории. – 1990. – №2.

33. Филимонов В.Я. К истории государственного строительства в первый год советской власти. В кн. Власть и общество в России в первой трети XX века: Межвузовская научная конференция. – М, 1994.

34. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 140.

35. Политические деятели России. Биографический словарь. – М, 1993.

36. Сталин И.В. Соч. – Т. 4.

37. ГАРФ. Ф.1318, Оп. 1, Д. 21.

38. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 140.

39. Сталин И.В. Соч. – Т. 4.

40. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 140.